

Максим решил застрелиться. И было от чего. Распустили Коммунистическую партию. Как услышал об этом, так что-то оборвалось внутри. А после обеда – кто бы вы думали? Брат родной при мужиках, щерясь, заявил: «Ну что, коммуныки, допрыгались? Кончилась ваша власть! Теперь-то мы заживём». А кто ему, Петру, мешал? Он, Максим? Ну, было дело. Захватил в лесополосе брата, когда тот из комбайна зерно в укромное место ссыпал. Заставил всё до зернышка собрать. Тот вначале на дыбы. Но Максим пригрозил: «Не соберёшь – в милицию сдам». И ещё добавил, что стыдно ему, коммунисту, иметь такого брата. Сколько времени прошло, а Пётр, видать, не забыл, коль в самое сердце уколол. А тут после его слов осмелели мужики. Загалдели: «На вилы их всех надо!» Ещё вчера уважительно по имени-отчеству называли. А теперь... Эх!..

И, может быть, он сегодня же и застрелился бы, будь у него ружьё. Поэтому это дело отложил на потом.

А сейчас с испорченным настроением вернулся домой. Ужинать не стал. Сразу лёг в постель. Вроде как приболел, чтобы жена не заподозрила неладное. Уснуть не мог. Так и лежал с полузакрытыми глазами. Перед глазами стоял брат. А когда Катерина начала посапывать, встал, вышел на улицу.

Блёклая луна косым серпом зависла над головой. Казалось, и она растянулась в ехидной улыбке. «Накренилась, – посмотрел на неё Максим, – ведра не удержит, опрокинет. К дождю».

Протяжно завыл соседский пёс.

«Никак к смерти чьей-то», – подумал Максим и вспомнил, что решил застрелиться. По телу пробежал холодок.

В памяти всплыла прошедшая жизнь.

Не он ли в войну выхаживал Петьку с сестрёнками? Максиму тогда было всего двенадцать. За старшего в семье остался. Вернётся, бывало, с работы, а брат с сестрёнками с печи высунутся и хнычут: «Есть хотим». Вот и приходилось, несмотря на смертельную усталость, по ночам в поле ходить и на ощупь обронённые колоски собирать. А по осени тайком долбить мёрзлую землю, чтобы наковырять картошки. Сам себя обделял, только чтобы брат с сёстрами не хныкал. Попадись он тогда – несдобровать. На всю катушку раскрутили бы. А теперь вот получил от брата «благодарность». Ну, сказал бы тот просто так. Но зачем при мужиках-то?

Всю жизнь, не жалея сил, работал. Вены на руках вздувались. Но что там вены, когда светлое будущее обещаниями партии впереди светилось? Как маяк. А теперь рухнул маяк, и нет света. Вот и руки болеть стали. Ведро поднять трудно. Эх... Не для себя – для детей и внуков старался... Одним словом, для людей... Чтоб жили в светлом будущем, не как он. Ему-то пришлось с лихвой хлебнуть. Потому он разгильдяев всей душой ненавидел. А теперь они его, честного человека – и на вилы?..

Не заметил, как суровое лицо первый раз в жизни размякло, и на глаза навернулась слеза.

– Ты чего это? – услышал он голос жены и почувствовал, как на спину нежно легла тёплая рука.

Катерина присела рядом, спиной к спине. И хорошо. Хоть слёз не увидит.

– Ты чего это в ночнушке? Замёрзнешь, – с дрожью в голосе спросил Максим.

– Тебя потеряла. Вот и вышла.

– Куда я денусь?

– За тебя беспокоилась. Какой-то не такой ты сегодня.

Случилось что?

– Нет, ничего, – произнёс Максим, будто боясь, что жена разгадает его мысли. – Душно стало... Подышать вышел...

– Тогда и я с тобой подышу.

Максим промолчал.

«Эх, Катенька. Мягка ты и душой добра. Никогда голос не повышала. Счастливо жили. И годы на тебя не повлияли. Вот только вместо густой косы, что до пояса была, остался редкий с серебряными нитями волос. Эх, знала бы ты, что удумал, не сидела бы ты тут спокойно».

Представил, как Катерина будет рыдать по нему. Как болью исказится её красивое лицо. От жалости сжалось сердце. «Как же она без меня!»

А Катерина невинно сидит и по-детски продолжает смотреть вдаль.

– Понимаешь, – в горле запершило, – я всю жизнь надрылся. Себя обделял. Хотел построить лучшую жизнь. А что получилось? Зря? Партии-то нет.

– Что поделаешь... – ответила Катерина.

– Я бы всё понял, если бы чужие на меня попёрли... Но чтобы собственный брат... На вилы меня вместе с мужиками захотел поднять, – сказал и поджал губы.

– Брат на брата не впервой.

– Вся жизнь под откос... Впустую прожил.

– А как же дети?

– Дети – дело нехитрое.

– Родить – одно, а дать ума – другое. Помнишь, ты рассказывал?

– Знать бы, что...

– Ну, когда ты с Денисом Марковым на сенокосе работал. Он ещё тогда опёрся на вилы и задумался.

– Не припомню.

– Ты ещё спросил: «Чего это ты, Денис?» А он посмотрел: «Кулаками». Ты: «Нет, не бьют». Он: «А матерят?» Ты: «Не только не матерят, но и при мне не матерятся». А когда ты понял, что к чему, удивился: «А тебя разве, Денис, матерят?» Он тяжело вздохнул: «Ох, Максим, не только матерят, но и бьют». Ты вернулся с работы и мне рассказал. Разве не помнишь?

– Как не помнить...

– У Дениса два сына, а у нас четыре, и видишь, какая разница. Сам же сказал, что никогда не думал, чтобы дети могли родителей бить. А кто им ума дал? В кого они пошли? Так что не зря жизнь прожита! Теперь бы внуков поднять, да и мудрость им свою передать. Как они без нас?

– Да что это я?.. – чуть не проговорился Максим. – Пойдём в дом, а то застудишься. Холодом от земли потянуло, – засуетился он.

Вернулись в дом, легли, и Максим не заметил, как уснул. Проснулся от дивной трели соловья. Встал, подошёл к распахнутому окну. С улицы потянуло прохладной. Над горизонтом малиновым разливом выплеснулся рассвет.

«Такая маленькая пташка, а как выдаёт! Никакой там страус с ней не сравнится. Живёт, гнёздышко вьёт и от радости поёт. И никакие партии ей не нужны. Вот бы и мне так» – и вдруг из груди само собой вырвалось:

– Со-о-ловей мой, со-о-ловей, го-о-лосистый со-о-ловей.

Дальше слов не знал, поэтому выводил одно и то же:

– Со-о-ловей мой, со-о-ловей, го-о-лосистый со-о-ловей...

И чем дольше пел, тем свободней и легче становилось на душе. А жена спала и, казалось, не слышала его пения.